

Москва
Центр драматургии и
режиссуры А. Казанцева
и М. Рошнина

Культура - 2003 -
18 - 24 Дек. - с. 11

Пять лет назад в Москве родился Центр современной драматургии и режиссуры А. Казанцева и М. Рошнина. Для нестандартного театра в пределах капризного города, избалованного зрителями и звездами, пять лет — это путь. Причем из известности к славе.

Обстоятельства

Центр начинал с ничего: как водится, на энтузиазме, без помещения и, думаю, без большой надежды на успех. В результате — дорогу в Музей Высоцкого, где сейчас играет центр, протоптали многие театралы. В крошечном фойе перед спектаклями вечно толчется молодежь: центр стал модной и даже престижной экспериментальной площадкой. В зале замечены театральные знаменитости, пришедшие плынуть на «племна младше». Наконец, не одни друзья Алексея Казанцева и Михаила Рошнина, но и московский Комитет по культуре решил поддержать центр не только морально, но и материально.

В послужном списке центра — больше двух десятков спектаклей. Лучшие звучат и в Москве, и на международных фестивалях. За пять лет сотни потторы молодых актеров и режиссеров прошли через центр. Кто-то получил дебют, а кто-то успел сделать себе имя. Теперь их жадно оближают солидные театры, желая поправить пошатнувшееся здоровье. В прошлом году Алексей Казанцев стал обладателем премии К.С.Станиславского — с благодарной формулировкой «за театральное дело». Спектакль Михаила Угарова «Облом-оф» тогда же стал главдеом сезона (премия СТД России), а Владимир Скворцов, угаровский Обломов, получил «маленькую», как ее называют, ежемесячную премию Фонда Станиславского. Режиссер Ольга Субботина теперь — правая рука А. Казанцева, много сотрудничает и с Международной конфедерацией театральных союзов. Кирилла Серебренникова после «Пластелина» назвали надеждой российской режиссуры, и «расхватили» другие театры. В этом году пятью названиями центр участвовал в основной программе престижного Чеховского фестиваля, еще четыре спектакля показал в его оф-программе, etc. Это видимый успех, которым

можно гордиться. Но есть и другой итог, который даже важнее прочего.

Время и место

Центр действительно перекрыл театральную ситуацию в Москве. Включился в несколько надуманное противостояние «репертуарный театр-антреприза» и оттянул на себя часть публики. Сегодня, когда репертуарный театр, к сожалению, болен привитой ему обстоятельствами буржуазностью, заявить о себе новому поколению трудно, вести лабораторные опыты почти негде. А центр (и только вслед за ним театр.doc) перевел понятие «новой» драматургии и «новой» режиссуры из области абстрактных понятий в живой план. Материализовалось и «новое» актерское поколение.

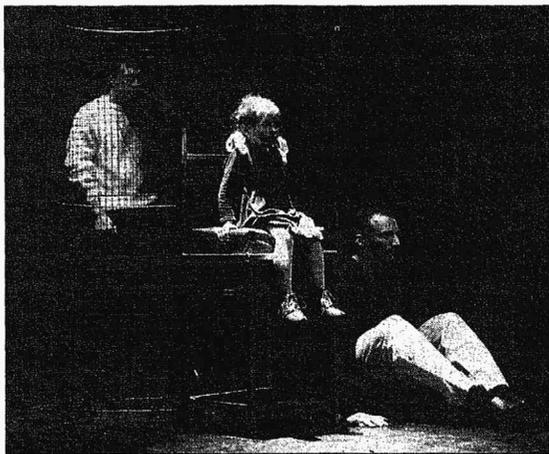
Суть явления может нравиться, огорчать, но утверждать, что его нет, уже не удастся. Зато теперь его можно обсуждать на территории профессии. А. Казанцев после встречи со знаменитым А. Колпиту, посетившим этой осенью Москву, имеет основания радоваться его похвале. Посмотрев спектакли центра, Колпит заметил, что атмосфера здесь напоминает ему офф-Бродвей 60-х. (Если вспомнить, что офф-Бродвей был как раз альтернативой буржуазному искусству и территории поисков новой органики в американском театре, то это утверждение дорогого стоит.)

Другой театр

...Идя на спектакли центра, испытываешь «ощущение бороды». Именно это мне, например, больше всего нравится. Нравится и одноименный спектакль О. Субботиной по пьесе К. Драугунской, отчего я с удовольствием «воюю» это название. Оно емкое, острое. И по жалуй, адекватное общему театральному настроению. Героиня пьесы объясняет, что обаяние ее мужа кроется в бороде; женщине, мол,

Ощущение бороды

Детищу Алексея Казанцева и Михаила Рошнина — 5 лет

Сцена из спектакля «Трансфер»

Центр родился уже в ином окружении и рос сиротой. В ситуации окружавшего в театре «частного сектора» никто ему был не указ. И за пять лет ему, пожалуй, удалось воплотить характер нового театра, закономерности его текста и стиля, главные черты его протагониста.

По существу, центр продолжил заглобленное дело Творческих мастерских, которые родились ровно за 10 лет до него, в 1988-м. Тогда не удалось изменить театральные ландшафты. Возможно, мастерские родились преждевременно: кризис репертуарного театра был не так явен, а прелюдная революционная ситуация («верхи не могут, а низы не хотят») еще не сложилась.

Впрочем, итог мастерских все равно не мал. Они дали старт нескольким известным теперь режиссерам (В. Мирзоеву, Климу, А. Пономареву), нескольким известным ныне поэтам (Д. Пригову, Т. Кибирову, С. Ландлевскому, Л. Рубинштейну и др.). Именно с провала мастерских, если хотите, начался взлет режиссера Евгения Арца, и он начал новую, успешную жизнь в Израиле с Театром «Тешер».

«Открытый город»

Спектакли центра рождаются и умирают естественно. Время сегодня спрессовано и само порой вымг обнаруживает, что хорошо, а что плохо. Например, что «Войцеху» А. Назарова пора уходить (в утешение режиссеру скажу, что и опыт пиетера Ю. Бугусова с Бюхнером был, по-моему, не слишком удачным), а спектаклю «Москва — открытый город», скажем, следует остаться. Сложный из новелл современных драматургов, поставленных разными режиссерами, этот спектакль-мозаика «из сыменных блоков» смотрится теперь визитной карточкой центра. Центр ведь тоже по-своему «открытый город». Скажу крамольную вещь: совершенных спектаклей в центре нет. (Да их и где-то почти нет.) Но в центре, как нигде, ощущаешь пользу утверждения «Отсутствие результата — тоже результат». Потому что важней результат сейчас процесс.

Главное чувство, которое вызывают спектакли центра, — любопытство. По сегодняшним меркам это много. В Москве немало спектаклей, и плохих, и хороших, о которых и говорят как-то лень. А у Казанцева то и дело хочется ввязаться в спор, заняться сопоставлением и осмыслением процесса, анализом ошибок, построением верой и даже предсказаниями. Не зная, например, что оказалось для центра полезнее — неосужденно взлетевший успех «Пленных духов» братьев Пресняковых и режиссера Владимира Агеева или «жестокая» дискуссия вокруг спектакля. Для нормализации театральных отношений, думаю, даже дискуссия. Жаль, что сюжет не возник вокруг нового спектакля В. Агеева «Минетти» по пьесе Т. Бернхарда. Хотя материал для спора и в этой работе ученика А. Васильева есть. Любопытно было бы задним числом сравнить «Пластелин» К. Серебренникова с его более поздними работами. На мой взгляд, этот — пока самый лучший и искренний, но у меня наверняка найдутся оппоненты. Любопытно было бы сопоставить «Ощущение бороды» О. Субботиной и ее же спек-

такль «А. — это другая»; живую, буйную, почти лубочную ткань — и стильный, надменный хайтековский прием. Любопытно было бы заметить, что современную западную драматургию финн Йосалл Лехтонен драматургия и точнее, и тоньше наших молодежит. Может быть, как человек другой культуры и иной ментальности. А может быть, просто как режиссер, которого все-таки текст занимает больше времени. Хотя именно Лехтонен своим любопытным спектаклем «Тюссз» поставил для меня точку в споре о том, приживется ли на нашей почве драматургия, подобная пьесе Сары Кейн. В ближайшей годы — вряд ли.

В центре нет совершенных спектаклей, сказала я, но есть нечто любимое. Для меня это «Облом-оф» Угарова — Угарова и «Трансфер» Курочкина — Угарова. В режиссуре этих спектаклей как раз и присутствует во всем разнообразии то самое «ощущение бороды», которое так мне дорого, — осознание себя, ощущение груза и опыта прежних поколений, с которым надо же что-то делать, утвердившись вперед и взгляд назад.

У человека, как правило, наступление портится до дня рождения. Что-то его не ко времени пожет и что-то мешает просто обрадоваться. У театров бывает ровно наоборот. Сомнения начинают терзать их после юбилея. Однако умеющий предвидеть Алексей Казанцев еще со времен успеха «Пластелина» и «Облом-оф» твердит своим «центристам»: главное — не сквериться, не стать фестивальной центром, не превратиться в «еще один» театр. Он прав, ему жизненный опыт подсказывает, что превращение «из лаборатории в колуэмбарий» вообще-то в привычке театра. Русский театр, как известно, стоически терпит лишения, всегда готов к испытаниям водой и огнем. И почти никогда не умеет перенести без потерь новоселье и музыку медных труб.

Наталья КАЗЬМИНА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ